

18+

ПРОМЫСЛ

— СЫН ТАЙГИ —

РАССКАЗЫ МОЛЧАЛИВОГО ВЕТРА

— ТРОЯН М.С. —

Марк Троян

**Яромир — сын Тайги.
Рассказы молчаливого ветра**

«Издательские решения»

Троян М. Е.

Яромир — сын Тайги. Рассказы молчаливого ветра /
М. Е. Троян — «Издательские решения»,

Русь, XIII век. В глухом лесу, где ещё жива древняя вера, ордынцы убивают старого волхва. Трое его детей — могучий Яромир, хромой мудрец Белояр и ведунья Заряна — дают клятву на крови и уходят в чащу. Там они пробуждают забытых богов и поднимают лес против Орды. Но у силы есть цена, и плата за свободу окажется выше, чем кто-либо мог представить.

Содержание

ПРОЛОГ. ГРОЗА НАД КАПИЩЕМ	6
Часть I. Корни, политые кровью	9
ГЛАВА 1. ЗВЕРЬ ВО ЧРЕВЕ	9
ГЛАВА 2. ХРОМОЙ ДА СМЫШЛЕННЫЙ	12
ГЛАВА 3. ЗАРЯНА И ВОДЯНАЯ МАТИЦА	14
ГЛАВА 4. ЖЕЛЕЗНАЯ ДАНЬ	16
Часть II. Урманы Велеса	19
ГЛАВА 5. ТРОПА МЁРТВЫХ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Яромир — сын Тайги. Рассказы молчаливого ветра

Марк Евгеньевич Троян

Иллюстрации GPT

Оформление обложки GPT

© Марк Евгеньевич Троян, 2026

ISBN 978-5-0070-9169-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. ГРОЗА НАД КАПИЩЕМ

В то лето небо над Шелониной всею было не синим, а цвета болотной ряски — желто-зеленым, нездоровым. Воздух загустел от испарений и комарья, да такого злого, что даже вековые сосны, казалось, хотели сняться с корней и уйти подальше от этой хмари. Но уйти было некуда. Тайга держала крепко, оплетала ноги корнями, глушила мхами малейший стук копыта.

Здесь, на островке твердой земли среди зыбких урманов, еще дышал старый мир. Мир, где огонь был богом, а дерево — храмом.

Волхв Мирослав, сухой и прямой, как лунь, стоял у дубового капища. Левый глаз его, прикрытый набрякшим веком, видел Явь — трещины в деревянном лице Рода, муравьев, снующих по трухлявому пню. Правый глаз — светлый, прозрачный, как слюда, — глядел в Навь. И видел он там черную конницу, железо, застлавшее горизонт, и кровь, густую, словно клюквенный кисель.

— Чуешь, Гнедко? — спросил он негромко, не оборачиваясь.

Конь, смиренный саврасый мерин, пасшийся рядом без привязи, всхрапнул и ударил копытом в дерн. Чуял. Всякая тварь чуяла приближение беды.

Мирослав наклонился к требищу — огромному плоскому камню, исеченному солярыными знаками. В центре лежал сноп прошлогодней ржи, перевитый красной лентой, рядом — глиняный горшок с топленным маслом и кусок вяленой медвежатины. То была малая треба. Но сегодня нужна была иная жертва. Сегодня в ночь на Купалу, когда солнце стоит на макушке лета, открывались все границы. И задобрить следовало не только светлых богов.

Он вынул из-за пояса кованый нож с рукоятью в виде змеи.

— Род-батюшка, — зашептал он, и голос его вплелся в шум сосен. — Сварог небесный, дед наш премудрый. И ты, Перун, что гоняешь тучи, как стадо небесных баранов... Дайте сроку. Не дайте роду моему пресечься, словно нити без узла.

Он говорил, а в это время там, за частоколом, в бабе-повитухе билась его жена. Роды шли третий день. Дитя не хотело выходить на свет, цепляясь за утробу матери, словно чуяло, что мир этот встретит его не лаской, а звериным оскалом.

Внезапно небо надвинулось. Не поползло, не набежало, а именно надвинулось разом — черное, низкое, с чревом, подсвеченным багровым огнем. Лес замер. Смолкли птицы. Только дятел где-то вдаль, как шальной, продолжал бить головой о сухую ель.

Мирослав полоснул ножом по своей левой ладони. Кровь алая, густая, брызнула на зерно и масло.

— Прими, Хранитель Времен!

Удар молнии был страшен. Свет и грохот слились в одно. Мирослав успел увидеть, как небесный огонь, извиваясь, словно живой корень, впивается в верхушку священного дуба. Дерево, стоявшее здесь еще до прихода словен на эти земли, раскололось надвое с треском разрываемого полотна.

Волхва отшвырнуло от камня. В воздухе запахло гарью и чем-то сладким, неуместным — цветущей липой.

Когда он поднял голову, оглушенный, из разрыва тучи лился свет. Не теплый, солнечный, а мертвенный, серебряный. И в этом свете Мирослав явственно увидел всадника. Громадного, с копьем в одной руке и чашей в другой. Всадник не смотрел вниз. Он скакал по небу на запад, и каждый взмах гривы его коня был похож на змеящийся дым.

— Перун... — прохрипел Мирослав, касаясь лбом земли, мокрой от внезапно хлынувшего дождя.

И в тот самый миг, когда небесный копыеносец скрылся за кромкой леса, тишину разорвал крик. Не грозный, не боевой, а тонкий, требовательный, пронзительный.

Крик младенца.

Мирослав, шатаясь, поднялся. Левая рука горела, по лицу текла струйка крови из расщеченного виска. Он побежал к воротам, оскальзываясь на мокрой траве. Младенец кричал так, будто в него вселился сам бог грозы.

У крыльца уже толпились бабы. Завидев волхва, они расступились. Лица их были белы, несмотря на загар.

В избе, освещенной неровным светом лучины, стояла тяжелая вонь родов. На лавке, укрытая овчиной, лежала его Милава. Живая. Изможденная, но живая. В руках у повитухи, бабки Веселины, ворочался тугой сверток из холстины.

— Ну? — выдохнул Мирослав, остановившись на пороге.

— Мальчик, — сказала Веселина, но голос у нее был такой, словно она сообщала о покойнике. — Здоровенный. Глянь-ка.

Она отвернула ткань. Ребенок был и впрямь крупен не по дням. Тельце его, покрытое смазкой, напрялось, кулачки были сжаты так, будто он держал меч. Но не это поразило Мирослава. На правом плече младенца, прямо на коже, багровел отчетливый след. Не пятно, не родимка, а именно след — четкий отпечаток медвежьей лапы, будто зверь наступил на младенца и оставил клеймо.

— Велесова печать, — прошептала одна из старух, истово перекрестившись, но тут же, спохватившись, сложила пальцы в старый, щепотью, обережный знак.

Мирослав взял сына на руки. Мальчик замолчал. Он смотрел на отца, и глаза его, казавшиеся в полумраке черными, были серьезны, как у старого воина.

— Яромир, — сказал волхв твердо. — Будет он Яромир. Ярый мир. Кто к нам с мечом придет, тот от меча и поляжет. Но только меч этот будет не железный, а от земли-матушки рожденный.

Он взглянул в крошево окна, за которым полыхала гроза, и добавил, обращаясь не столько к женщинам, сколько к тому всаднику, что умчался на запад:

— Не проиграем, пока таких воинов Велес нам дарует.

Часть I. Корни, политые кровью

ГЛАВА 1. ЗВЕРЬ ВО ЧРЕВЕ

Кологод сменился. Словно колесо тяжелой телеги, перевалило время через зиму и весну, и понеслось вскачь к лету. Яромиру шел шестой год, когда отец впервые взял его в лес — не на опушку за хворостом, а в самую глухомань, куда даже старики-охотники боялись соваться по одному.

Лес встретил их шумом. Шум этот был иным, чем в деревне. Там кричали петухи да бабы переругивались у колодца, здесь же каждый шорох был полон тайного смысла.

— Слышишь? — спросил Мирослав, положив широкую ладонь на загривок сына.

Яромир кивнул. Он слышал не ушами, а как-то всем нутром. Слышал, как пьет соки из земли старая береза, как точит древесину жук-короед, и как где-то далеко, в овраге, ворчит, устраиваясь на дневной сон, старый вепрь-секач.

— Это всё — живые души, — продолжал волхв. — У каждого пня, у каждой травинки есть свой хозяин. Ты, Ярушка, носишь знак Хозяина Лесного. Тебе тут всё родное.

Они вышли к ручью, такому прозрачному, что видно было, как на дне шевелит усами сом.

— Гляди, — Мирослав указал на омут, где вода была чернее ночи. — Там живет водяной дедка. Без спросу не лезь, рыбу не баламутить зря. Придешь с требой: хлебушка кинешь, щепоть соли — он и не тронет. А коли жадничать начнешь, в омут утнет.

Яромир, насупив светлые брови, долго всматривался в темную воду. И показалось ему, что в глубине блеснули два желтых огонька, хитрые, кошачьи. Мальчик не испугался. Он запустил руку в холщовую сумку, вытащил краюху, которую дала мать, и, покروшив ее на воду, серьезно прошептал:

— На, дедушка. Поешь.

Волхв одобрительно хмыкнул. Они двинулись дальше, в буреломы, где меж вывороченных корней можно было спрятать целую деревню. Именно здесь, на песчаном взлобке, окруженном тройным кольцом вековых елей, находилось место силы — капище, о котором молчали даже под пытками.

Здесь было тихо, словно в могиле. Только шмели гудели, опыляя дикий шиповник.

Но мальчик вдруг остановился как вкопанный. Шерсть на его телогрейке встала дыбом.

— Тятя... — голос его дрогнул впервые за день. — Там... гость.

Из-за раздвоенного молнией дуба, из того самого проема, где древесина обуглилась до черноты, вышла медведица. Не простая бурая медведица, а старая, седая, с проплешинами на боках, но огромная, как гора. Её маленькие глазки, заплывшие жиром, были красны от гноя, но смотрели цепко.

Яромир застыл. Не от ужаса, а от странного, тягучего узнавания. Будто он видел эту медведицу тысячу раз во сне.

— Не шевелись, — одними губами произнес Мирослав, нащупывая на поясе нож. Но он знал: против Велесовой зверины его заговоренная сталь — что прутик против дубины. — Это Она... Хозяйка.

Медведица, грузно переваливаясь, подошла вплотную к мальчику. От нее пахло псиной, прелым мхом и старой кровью. Она шумно втянула воздух огромным носом, обнюхивая лохматую макушку Яромира. Мальчик, подчиняясь неведомому зову, закрыл глаза.

И вдруг мир перевернулся.

Он больше не стоял ногами на земле. Он бежал. На четырех лапах. Мощных, когтистых. Земля пружинила под его брюхом, запахи стали ярче, звуки острее. Он чувл страх отца — едкий, кислый. Чувл тепло этого маленького двуногого детеныша.

«Твой дух — в моей шкуре. Твоя кровь — моя кровь. Проснешься, когда придет срок».

Голос был не женским и не мужским. Он был древним, как камни.

— Ярушка! Яромир! Очнись!

Мирослав тряс сына за плечи. Мальчик лежал на земле, раскинув руки. Медведицы и след простыл, только на песке отпечатались громадные следы, уходящие прямо в чащу.

Яромир открыл глаза. Зрачки его, отражая небо, на мгновение стали не круглыми, а вытянутыми вверх.

— Я видел... — прошептал он, с трудом ворочая языком. — Я был ею. Лес принял меня. Волхв помолчал, собирая травы, выпавшие из котомки.

— Принял, — сказал он тихо. — Только гляди, сын, чтобы не проглотил. Человеком быть трудно, а зверем... зверем легко. Но назад дороги может не быть.

Домой они возвращались молча. Над тайгой сгущались сумерки, а где-то далеко на востоке, в ковыльных степях, ветер уже раздувал горны, в которых ковались кривые сабли для новой дани. Но это было еще далеко. Пока же в чаще, провожая путников, ухал филин, и на

рогатине Яромира, как оберег, болтался клочок седой медвежьей шерсти, подаренный самой Хозяйкой Урманов.

ГЛАВА 2. ХРОМОЙ ДА СМЫШЛЕННЫЙ

В том же году, когда Яромир впервые услышал зов зверя, старшему его брату, Белояру, минуло тринадцать зим. Был он неказист: левая нога сохла с младенчества, стопа вывернута внутрь, словно птичья лапка. Ходил Белояр с клюкой, но не жаловался, ибо рано понял — сила его не в мышцах, а в голове.

Пока другие дети гоняли по околице с деревянными мечами, Белояр сидел в избе у печи, где обитал дедко-домовой, и слушал сказы старух. Память имел цепкую, как репей: запоминал всё с первого раза — шепотки от сглаза, названия трав, голоса птиц и даже узоры на прялках. Отец Мирослав, заметив это, стал брать его на капище не как дитяню, а как ученика.

— Нога твоя сухая, да ум не сохнет, — говорил волхв, перебирая берестяные грамоты с резами-письменами. — Перун дарует победу руками, а Велес — мудростью. Ты Велесов внук.

Белояр в ответ усмехался уголком рта:

— Что проку от мудрости, батюшка, коли я и соху в поле не удержу?

— Ой ли? — хитро шурился Мирослав. — А кто вчера старого Ворона заговорил?

Случай тот в деревне долго вспоминали. Мельник Ворон, мужик злой и прижимистый, поймал Белояра на своем дворе. Показалось ему, что хромой мальчишка хотел украсть горсть зерна (хотя тот просто рассматривал жернова). Схватил Ворон палку да замахнулся. Но Белояр не побежал, не заплакал. Он глянул на мельника ясными, будто льдинки, глазами и молвил тихо, размеренно:

— Ударись — твоя тень от тебя отвернется. Станешь ты бояться собственного порога. Хлеб твой горчить будет, а мука — в камень обращаться.

И такая сила была в словах этих, что мельник замер, палку выронил, а после до вечера сидел у реки, не в силах войти в дом. С тех пор деревенские поглядывали на Белояра с опаской, иные даже кланялись в пояс. Знали: этот немощный отрок умеет плести слова, как нить, и завязывать их в тугие наузы судьбы.

Обучал Мирослав сына и науке тайной. Показывал, как воск топлёный в воду лить, чтобы прочесть грядущее. Учил различать следы нечисти: где леший круги на траве оставил, а где кикимора пряжу спутала. Но главное — открывал ему *шепоты* — древние заговоры, что передавались от пращуров без книг, из уст в уста.

— Запомни, Белояр: слово, сказанное в срок и в лад, крепче булата. Можно сломать хребет, но не слово. Оно, как стрела, летит в Навь и там разит врага.

— А можно словом и воскресить? — однажды спросил мальчик, глядя на отблески лучины в слюдяном окошке.

Волхв помрачнел.

— Воскрешать — только Макоши дано. Но можно призвать тень предка из Нави, чтобы стояла с нами плечом к плечу. Только плата велика. У каждого слова свой вес, внучок. Иные — легче пуха, а иные — как жернова на шее. Сперва научись молчать, потом уж говорить.

Белояр усвоил урок. Молчал он часто и подолгу, даже когда местные задиры бросали вслед насмешки про «хромого колдуна». Но когда выпадал час нужды, из уст его лились речи, от которых даже старейшины замирали, чуя дыхание Пращуров.

Брат Яромир, напротив, слов тратил мало. Зато если уж говорил, то коротко и тяжело, словно камень в воду ронял:

— Не тронь. Мой брат.

И этого хватало, чтобы обидчики растворялись в проулках.

ГЛАВА 3. ЗАРЯНА И ВОДЯНАЯ МАТИЦА

А младшая в семье, Заряна, родилась в срок, да не простой. В ночь осеннего равноденствия, когда Макошь срезает нити судьбы серпом, над деревней пролился звездный дождь. Мать, Милава, разрешилась легко, даже не вскрикнула — только выдохнула облегченно, когда повитуха подняла девочку к свету лучины.

Малышка была тиха, глаз не открывала, зато пальчики её непрестанно шевелились, словно перебирали незримую кудель. И сморщенные ладошки были влажны, будто только что вынуты из воды.

— Берегиня, — определила бабка Веселина, обмывая дитя родниковой водой. — Глянь-ко, как к воде-то тянется. Этой на роду написано с русалками хороводы водить.

Так и повелось. Чуть Заряна встала на ножки, первой её дорожкой стала тропка к ручью. Мать не страшилась: вода в их краю была чистая, незамутненная, ибо уважали селяне водяного дедку и не грязнили ключей. Девочка часами сидела у омутка, опустив пальцы в струи, и что-то лепетала на своем, птичьим языке. Рыбы подплывали к её рукам, щекотали губами ладони.

Белояр, которому к тому времени минуло пятнадцать, часто наблюдал за сестрой со стороны. Он чувал: не просто дитя балуется. Вокруг Заряны воздух колебался, словно над горячим камнем. Иногда струи воды сами взмывали вверх, свиваясь в зыбкие фигуры — то ли зверей, то ли птиц.

Однажды, в канун Купалы (Заряне тогда как раз семь годков минуло), он увидел такое, от чего даже у него, ученика волхва, похолодело в груди.

Было уже за полночь. Луна выкатилась на небо огромным желтым оком. Белояр не спал: он читал заговор над оружием Яромира, готовя того к первому охотничьему посвящению. Вдруг тишину прорезал смех — тонкий, серебристый, нечеловеческий.

Выглянув в оконце, он заметил, как от калитки к ручью скользнула белая фигурка. Заряна. Он схватил клюку и поковылял следом, держась в тени плетней.

У омута девочка распустила льняные волосы и вошла в воду по пояс. Ночь была прохладной, но она не дрожала. Она пела. Песня была без слов — горловой, утробный звук, который скорее пристал бы старой русалке, чем малому дитяти. Вода вскипела вокруг девочки, закружилась воронкой, и из глубины поднялась тень.

То была женщина, сотканная из лунного света и тумана. Длинные струящиеся волосы, увитые ряской, руки, плавно плывущие в воздухе. Лица Белояр не разобрал — оно всё время менялось, то становясь юным и прекрасным, то оборачиваясь жуткой старухой с провалами вместо глаз.

— Водяная Матица, — прошептал Белояр, прижимая к груди обережный узел.

Дева-вода склонилась над Заряной и коснулась её лба прозрачной рукой. Девочка замерла, глаза её закатились. А потом заговорила — но не своим голосом, а густым, текучим:

— Кровь земная в жилах твоих, отроковица. Сестра ты мне. Придет час — встанут реки на защиту рода твоего. Но помни: вода мягка, а камень точит. Будь и ты как вода — не напролом, а в обход.

Видение длилось всего миг. Всплеск — и всё исчезло. Заряна, пошатываясь, выбралась на берег и тут же упала без сил. Белояр подхватил её, закутал в свой зипун и понес в избу. Укладывая сестру на полати, он заметил, что её волосы, высыхая, не пушатся, а ложатся гладкими волнами, и пахнут от них не тиной речной, а свежестью грозового ливня.

С того дня Заряна переменилась. Взгляд её стал отрешенным, а на вопросы она отвечала невпопад. Зато любая, даже гнойная рана, промытая водой из её рук, затягивалась за ночь. А ковшик, которого она касалась, оставался полным до краев, сколько ни пей.

Старшие братья поняли: растёт в их роду не просто травница, а живой мост между Явью и Навью.

ГЛАВА 4. ЖЕЛЕЗНАЯ ДАНЬ

В лето от Сотворения мира 6749-е (1241 год от Рождества Христова) беда пришла к Шелониной веси.

День выдался душный, муторный. Яромир, которому уже двенадцать зим стукнуло, возился на заднем дворе — обтёсывал рогатину, подаренную отцом. Белояр сидел на крыльце и плёл науз из конского волоса — оберег на удачную охоту. Заряна толкла в ступе сушеную медуницу, напевая что-то себе под нос. Мать пекла хлеб в глинобитной печи, и запах свежего теста перебивал даже смоляной дух сосен.

Первым тревогу подал домовый.

Старичок-лизун, что жил за печью, вдруг завыл тонко, жалобно, и в печной трубе что-то заскреблось, словно сотня мышей разом. Мирослав, сидевший на лавке у входа, поднял голову и уронил берестяной свиток.

— Едут.

Сначала никто ничего не слышал. Но вот земля задрожала, и донесся низкий, вибрирующий топот множества копыт. Не такой, как у своих лошадей — мягкий, травяной. Чужой топот, жесткий, подкованный железом. Собаки в деревне зашлись истошным лаем, но быстро смолкли, поджав хвосты.

Из леса, по единственной дороге, выкатился конный отряд. Два десятка всадников на низкорослых, мохнатых лошадях. Кривые сабли, тугие луки в налучниках, лица — плоские, словно блины, с узкими щелями глаз. Над головами колыхалось знамя с волчьей головой. Орда.

Впереди ехал сотник — грузный, в промасленном халате поверх доспехов, с золотой серьгой в ухе. По левую руку от него держался толмач — русский перебежчик, из полона, с бегущим взглядом и жидкой бородашкой.

Селяне попрятались кто куда. Мирослав же, накинув на плечи белый плащ волхва, вышел за ворота. Лицо его было бледным, но спокойным. Он встал на пути отряда, опершись на посох, увенчанный резной головой медведя.

— Стойте, гости незваные. Зачем пожаловали?

Толмач, ухмыляясь, перевел вопрос сотнику. Тот что-то пролаял гортанным голосом.

— Великий хан Батый, покоритель мира, требует дани, — зачастил толмач, вытирая потный лоб. — С каждой дымы — по две шкурки соболя, по кадке меда, по мере зерна. И еще... — он запнулся, — ...людьми. Девоч молодых, пять душ, для ханских нужд.

Мирослав не шелохнулся.

— Мы люди леса. Сами едим сосновую кору. Меха таких не имеем, меда берем только для требы. А девочек своих не отдадим. Идите прочь с миром.

Сотник, выслушав перевод, побагровел. Он ткнул плетью в сторону капища, видневшегося за деревьями.

— А это что? Идолам кланяетесь? Поганые язычники! Аллаху не молитесь, дани не платите, землю вашу пора железом крестить!

Дальнейшее заняло считанные мгновения. Сотник махнул рукой. Два нукера спешили и бросились к волхву. Мирослав вскинул посох, выкрикнув заговор — но слова разбились о чужую, непонятную магию, вплетенную в амулеты на груди степняков. Посох выбили из рук. Старика повалили на землю, прижали лицом в дорожную пыль.

— Не надо! — истошно закричала Милава, выбегая из избы. — Не троньте его!

Её оттолкнули. Яромир, рыча, рванулся вперед с рогатиной, но Белояр, проявив недюжинную прыть, повис на брате, ухватив его за плечи.

— Стой! Всех положат! Успеешь еще! — прошипел он на ухо.

Яромир замер, дрожа всем телом. Сила уже клокотала в нем, готовая разорвать грудь, но голос разума старшего брата удержал его.

Сотник тем временем приказал казнить строптивного волхва. Не просто убить — показательно, в назидание. Два нукера притащили толстый аркан, перекинули через нижние сучья двух сосен, росших бок о бок, и накинута петлю на ноги Мирослава.

— За то, что чтишь бесов, поднимешься к своим богам! — осклабился толмач.

Вершины сосен, упругие, как луки, пригнули к земле с помощью лошадей. Закрепили. В петли вдели ноги волхва. И по команде сотника отпустили.

Раздался хруст, слившийся с пронзительным криком матери. Тело Мирослава, разорванное в паху, взлетело вверх и повисло между двух стволов, раскачиваясь, словно страшный плод. Кровь хлестала ручьями, пропитывая землю.

— Отец! — взвыл Яромир. Белояр сжал его изо всех сил, но тщетно: мальчик сбросил его, словно пушинку, и кинулся на убийц.

Милава, обезумев от горя, заслонила сына собой. Стрела, пущенная почти в упор, вошла ей точно в горло. Женщина упала на руки сына, захлебываясь кровью. Яромир остолбенел, глядя в её остекленевшие глаза.

— В дома! Берите всё, что блестит! Девок вязать! — распорядился сотник, объезжая тело.

Начался грабеж. Кричали бабы, плакали дети. Вспыхнули скирды сена, выбрасывая в небо клубы черного дыма. Яромир стоял среди этого ада, прижимая к груди мертвую мать, и не мог пошевелиться. Он не плакал — слезы кончились. Только глаза налились кровью, и на плече, под рубахой, нестерпимо жгло родовое пятно.

Белояр, преодолевая боль в ноге, собрал Заряну и уцепившихся за них младших детей и силком потащил в подклеть амбара, где был вырыт тайный лаз в лес. Он понимал: если Яромир сейчас вступит в бой, он погибнет. А значит, род прервется. Нужно было бежать.

Последним, кого Белояр видел перед тем, как спуститься в лаз, был брат. Яромир опустил тело матери на землю, перекрестился старым обережным знаком и, подхватив окровавленный отцовский посох, двинулся к капищу.

Через час всё было кончено. Деревня горела. Ордынцы ушли, уводя с собой полон: десяток молодых девок, в том числе и Милаву-дочь кузнеца. На пепелище остались лишь трупы да старухи, которых не взяли из милости — умирать.

Яромира нашли на капище. Он стоял на коленях перед расколотым молнией дубом, возле требища. Рубаха на нем была разорвана, грудь исцарапана ногтями в кровь. Посох отца он воткнул в землю, и на нём, как лоскут знамени, развевался клоч медвежьей шерсти, что когда-то подарила ему Хозяйка Урманов.

Белояр и Заряна, перепачканные сажей, выбрались из тайного лаза и приблизились к брату. Ночь опустилась на урочище, и лишь зарево над родным домом освещало лица детей.

— Они заплатят, — произнес Яромир, не оборачиваясь. Голос его был глухим, чужим. — За каждую слезу, за каждую каплю крови. Я призову на них Велеса, я спущу на них всю ярость этого леса. Я сам стану лесом.

Белояр молча вынул из-за пазухи кованый нож — тот самый, отцовский, что Мирослав подарил ему на совершеннолетие. Полоснул по левой ладони. Кровь закапала на камень требища.

— Я не оставлю тебя, брат. Но одной силой степняков не одолеть. Их тьма, а нас трое. Нужен план. Нужны союзники. И нужна Хитрость. Я стану твоим голосом, твоей тенью. Я сплету такую сеть, что даже ханы в Сарае запутаются.

Заряна, шмыгнув носом, подошла и тоже протянула ладошку. Девочка не плакала — она словно разом повзрослела на десять лет. Белояр сделал надрез и на её руке.

— А я буду лечить наших воинов и насылать морок на врагов. Вода шепчет мне, что грядет великая сеча. И я готова.

Трое детей смешали кровь на жертвенном камне. Яромир поднял глаза к небу, туда, где в разрыве туч угадывался серебряный всадник.

— Клянемся Перуном-Громовержцем! Клянемся Велесом, Хозяином Леса! Клянемся Макошью, что прядет судьбы! Не знать нам покоя, покуда хоть один ордынец топчет нашу землю! Не знать нам семьи, пока не упокоим души отца и матери! Клянемся на крови!

Он вонзил нож в центр требища. Лезвие вошло в дерево по самую рукоять. В тот же миг без единого грома полыхнула молния, ударив в вершину дуба. И на мгновение всем троим показалось, что на них глядит лик самого Рода — суровый, но одобряющий.

— В лес, — тихо сказал Белояр. — Уходим сейчас же. Тут всё выжжено. Нам нужно найти Сердце Урманов, то капище, где тебя посвящали, Яромир. Там нас не достанут ни стрелы, ни сглазы.

И три тени, взявшись за руки, шагнули в непроглядную тьму чащи, оставив позади догорающую обитель детства. Только посох волхва, вбитый в землю, остался стоять чёрным крестом над пепелищем — немой укор и предупреждение.

Часть II. Урманы Велеса

ГЛАВА 5. ТРОПА МЁРТВЫХ

Шли они три дня и три ночи без отдыха, без еды, без огня. Лес смыкался за спинами, словно вода над утопленником, — плотно, без следа. Белояр вел, опираясь на отцовский посох, что забрал Яромир с капища. Хромая нога ныла нестерпимо, но он не позволял себе даже застонать. Заряна семенила следом, цепляясь за его пояс, а замыкал шествие Яромир — огромный, молчаливый, с рогатиной наперевес. Он не оглядывался. Там, позади, остался только пепел.

На четвертый день вышли к Чёрному Зубу — скальному выступу, что торчал из тела земли, словно клык зарытого в почву великана. Место это пользовалось дурной славой даже среди звероловов. Говорили, будто здесь истончается грань меж Явью и Навью, и души предков бродят меж деревьев, не в силах найти дорогу к Ирию.

— Здесь заночуем, — прохрипел Белояр, опускаясь на валун. — Дальше — Сердце Урманов. Но туда без дара не входят.

Яромир ничего не ответил. Он скинул с плеча тощую косулю, убитую по дороге голыми руками (стрел и лука у них не было), и принялся свежевать тушу ножом. Заряна, пошатываясь от голода, собирала сушняк. В ней, некогда смешливой девочке, теперь жила суровая маленькая старуха. Взгляд её стал глубже, и вода в ручье, где она умывалась, больше не смеялась — она текла медленно и густо, словно слёзы.

С наступлением тьмы у подножия Зуба зажгли малый костер. Ели молча, сырое мясо, обугленное снаружи и кровавое внутри. Белояр, насытившись, вынул из котомки берестяной туесок с отцовским добром: несколько резных дощечек, горсть соли, восковую свечу и клубок красной шерсти. Он долго смотрел на огонь, а потом заговорил — не с братом и сестрой, а словно в пустоту:

— Деда-лесной, хозяин троп, пропусти внуков своих. Мы не со злом пришли — с горем. Дозволь укрыться в твоих палатах, отведи глаза чужакам. Прими требицу малую.

Он бросил в костер щепоть соли. Пламя взвилось столбом и погасло, оставив только рдеющие угли. И тогда из чащи донесся звук — низкое, утробное гудение, словно сама земля застонала. Дети замерли. Ветви ближайшей ели дрогнули, раздвинулись, и из мрака выступила фигура.

Не человек. И не зверь. Ростом с доброго медведя, но сложением — как покореженный временем старик. Тело покрыто мхом и лишайником, пальцы — корявые сучья, глаза — два болотных огонька, горящих зелёным пламенем. Леший. Хозяин здешних мест.

— Чую кровь Велесову, — проскрипел он, и голос его походил на скрежет трущихся друг о друга стволов. — Чую дар Макошин. Чую мудрость древнюю. Зачем пожаловали, малые?

Яромир инстинктивно встал, заслоняя сестру. Белояр, напротив, поклонился низко, коснувшись рукой земли.

— Батюшка Леший, дом наш сожжен, род вырезан. Мы — последние от корня Мирославова. Просим крова в твоих владениях. Дозволь нам скит поставить в Сердце Урманов. Мы отплатим службой верной.

Леший долго молчал, перебирая пальцами-сучьями. Потом нагнулся, сорвал с земли гриб-дождевик, дунул на него — и тот рассыпался облаком спор, закружившихся в воздухе светящейся пылью. Споры осели на лицах детей, и те почуяли странное тепло, разливающееся по телу — усталость отступала, раны затягивались.

— Быть по сему. Но помните: лес — не убежище, лес — испытание. Того, кто силен духом, он питает; того, кто слаб — поглотит. Ступайте. Скит ваш будет там, где растут три сестры-сосны. Только прежде, чем строить, средний из вас пусть поклонится Хозяину Хозяев. Он ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.